

Артём
ДРАБЬКИН

★ **«Из адов ад»**

А мы с тобой, брат, из пехоты...

Артем Драбкин

**«Из адов ад». А мы с
тобой, брат, из пехоты...**

«Яуза»

2012

Драбкин А. В.

«Из адов ад». А мы с тобой, брат, из пехоты... / А. В. Драбкин — «Яуза», 2012

ISBN 978-5-699-57870-2

«Война – ад. А пехота – из адов ад. Ведь на расстрел же идешь все время! Первым идешь!» Именно о таких книгах говорят: написано кровью. Такое не прочитаешь ни в одном романе, не увидишь в кино. Это – настоящая «окопная правда» Великой Отечественной. Настолько откровенно, так исповедально, пронзительно и достоверно о войне могут рассказать лишь ветераны... Хотя Вторую Мировую величают «войной моторов», несмотря на все успехи танков и авиации, главную роль на поле боя продолжала играть «царица полей» пехота. Именно она вынесла на своих плечах основную тяжесть войны. Именно на пехоту приходилась львиная доля потерь. Именно пехотинцы подняли Знамя Победы над Рейхстагом. Их живые голоса вы услышите в этой книге.

ISBN 978-5-699-57870-2

© Драбкин А. В., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

ЕВДОКИМОВ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Артем Владимирович Драбкин **«Из адов ад». А мы с** **тобой, брат, из пехоты...**

ЕВДОКИМОВ
Владимир Тимофеевич

Литературная обработка Артема Драбкина

Я родился 14 августа 1923 года в деревне Пичулево Северского района Псковской области, в крестьянской семье. Семья была небогатой. В 1930-е годы мои родители вступили в колхоз, колхоз тоже был очень бедным, почти нищим. Когда мне исполнилось 7 лет, я пошел в первый класс. В 3–4 километрах от деревни, где я родился, находилась и сейчас находится деревня Борисинки. Там была школа, и вот в этих Борисинках я окончил семилетку.

Окончив семилетку в 1938 году, я приехал в Москву на Старый Арбат, в дом 35, напротив Театра Вахтангова. Приехал я к дяде моей мамы, Дарьи Сергеевны, Петру Сидоровичу Косма-

чеву. Он был личным шофером Ленина, как и Гиль. Два личных шофера было у Владимира Ильича: Гиль и Петр Сергеевич Космачев. Дядя Петя был беспартийным, но человеком, преданным революции. В Москве каждому шоферу дали в Кремле по роскошной трехкомнатной квартире. Мама туда, к дяде Пете в Кремль, приезжала, по-моему, в год убийства Кирова. Все восхищалась. После своего бедного крестьянского дома – какая богатая квартира у дяди, как дворец. И вот он там жил с 1918 года до 1938-го. Когда Ленин умер, он возил других членов правительства, в том числе и Сталина. Но больше всего, как он говорил, возил Надежду Константиновну Крупскую, жену Ленина. Ну а потом, когда Сталин уже начал «чистить» Кремль от приближенных Ленина, – ну и мелкую сошку оттуда! И вот дядю переселили на Старый Арбат в 35-й дом, в квартиру Томского. Это была большая 4-комнатная квартира, и в ней ему дали большую комнату, метров сорок. Он жил там вместе с женой. В другой комнате жил Степанов, тоже шофер, работник Кремля. В третьей комнате жила Дарья Бородина, домработница Микояна. Она у Анастаса вырастила всех его детей, в том числе и генерал-лейтенанта и Героя Советского Союза Степана Микояна. И в маленькой 9-метровой комнатухе жил один мальчик, Витя Королев. Когда я приехал, он был старше меня года на 3–4. Родителей его я не встречал. Однажды его спросил: «Витя, где твои родители?» Он сказал, что отец был заместителем коменданта Кремля, расстрелян. Мать осуждена, в заключении.

Я поступил в Московский сварочный техникум на Сретенке. Война меня застала в Луганске, на паровозостроительном заводе, где мы проходили практику. Я помню, как митинг проводили, слушали выступление Молотова по случаю этой трагедии, начала войны. Я вернулся в Москву, а в июле месяце меня вызвали в райком комсомола. Секретарь сказал, что создается Московский комсомольско-молодежный противопожарный полк для борьбы с зажигательными бомбами. Полк был сформирован из мальчишек, студентов, молодых рабочих. Сначала численность полка была 5 тысяч человек, и он состоял из 16 рот, а роты состояли из взводов. Наш взвод охранял район на Домняковке. Тогда же все школы были свободны – дети выселены и эвакуированы. На Домняковке была музыкальная школа, и в ней мы размещались, были на казарменном положении. Во время обстрела осколки градом стучали по крыше. В первую ночь на крышах некоторые бойцы были ранены. В следующий налет мы на чердаках дежурили. В один из ночных налетов я чуть не погиб, охраняя эту школу. Фугасная бомба попала в находившиеся рядом Спасские казармы. Я внизу стоял. Одна половинка двери была открыта. Хорошо, что я стоял у другой половинки, – взрывной волной со страшной силой дверь грохнуло. Окна все выбило, фуражку у меня сорвало с головы куда-то там. Едва нашел в темноте!

Вскоре меня направили в истребительный батальон Ростокинского района. Нас разместили на территории бывшей сельскохозяйственной выставки, и мы там учились бросать противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Но должен сказать, что из окопа далеко противотанковую гранату, конечно, не бросишь. Она два килограмма – попробуй! Ну, максимум на 15 метров. Это надо быть сильным мальчишкой. Ну а бутылки эти – очень неэффективное средство. Пол-литра или литр специальной горючей жидкости. Запал, как карандаш, резиночкой прикреплен.

Однажды мы пришли в столовую на этой выставке, покушали, – наша рота человек 100 или больше была. Вышли, отошли, наверное, метров на 100–150 от столовой – и прямое попадание бомбы в эту столовую, где мы обедали. К счастью, все бойцы остались живы, а обслуживающий персонал весь погиб. Но должен сказать, что во время налетов фашистской авиации летом и осенью 41-го года я ни разу в укрытиях не был. Ни в метро, ни в бомбоубежищах.

– Вот многие говорят, «ракетчики» были. Вам не встречались?

– Я не видел. Был очень строгий режим: если окно не зашторено, просвечивает, – приходили, звонили. Очень строго было! А если объявлена тревога, то сирены ревут, по радио:

«Граждане, воздушная тревога!» Все это противно... После этого на улицах чисто. Мы ходили, патрулировали, – ни одного человека нигде.

16 октября пришлось Москве пережить, по сути дела, большую панику. По радио объявили, что метро не работает, закрыто. Немцы близко к Москве подошли, где-то в районе Химок. В этот день государственные учреждения эвакуировались из Москвы. С Казанского вокзала эвакуировался один из эшелонов Госплана. Жена Петра Сидоровича дала мне тяжелый рюкзак, с пуд, наверное, передать некоему Сергею Никитину. Я пешком со Старого Арбата пошел на вокзал. Нашел этого человека, а он отказался брать рюкзак, и я обратно вынужден был пешком идти. Вся Комсомольская площадь была заполнена машинами. Ну, думаю, такси возьму рублей за пять. Ни фиги! Уже дерут огромные суммы! Прочел объявление: «Москва на осадном положении. Трусов и паникеров расстреливаем на месте». Мы читали – аж дрожь брала...

В октябре сорок первого в Москве решили создать четыре дивизии народного ополчения, в дополнение к созданным летом и погибшим под Вязьмой. Я оказался в 4-й Коммунистической дивизии Московского народного ополчения. В нее подскребали и истребительные рабочие батальоны, и рабочие роты. Все, что можно, – в нашу дивизию. Сформировали. Мы располагались в Серебряном Бору, на даче Хрущева. Вскоре нашу дивизию включили в состав 16-й армии.

Так как у меня был высокий рост и три курса образования, меня зачислили пулеметчиком станкового пулемета «максим». Пять или шесть человек расчет был. Я сначала вторым номером был, а потом приходилось и первым быть. Весь расчет мог стрелять, не только первый номер. Ну, там несложно. Рукоятки эти, нажал, и «тра-та-та». Зимой сложность была в том, что вода замерзала – ствол не двигается. Антифриз-то потом появился. Еще сальник надо было перематывать. Туго намотал – не двигается, слабо – протекает. Довольно несовершенный вид оружия был. Ау немцев пулеметы с воздушным охлаждением и металлической лентой. А эта матерчатая лента на 250 патронов отсыреет и потом не входит в гнездо. Так специально такие расправители гладкие были. Вот вставляешь и крутишь, расширяешь эту материю. И потом туда патрон. Это ж медленно все! Никаких машинок для набивания не было! Естественно, случались перекосы.

Дивизия оборонялась на Волоколамском направлении. Поскольку ополченческая дивизия была слабо обучена, то ее поставили во второй эшелон. Позиция нашего пулемета была в нескольких километрах западнее Троице-Лыково, где последнее время жил Солженицын. Огневая позиция была уже подготовлена – стоял замаскированный железобетонный колпак для пулемета, вход в сообщение во весь рост выкопан, но блиндаж еще не готов. И вот так мы в Троице-Лыково в одном доме недели две располагались.

Морозы сильные. Дежурить ночью тяжело. Днем один человек дежурил, а ночью обычно два. Спать хочется! У нас у каждого была винтовка. Она же длинная, со штыком, неуклюжая. Однажды я с дежурства пришел, разрядил винтовку. Почему-то мы в блиндаже их разряжали. Собираемся завтракать. День был морозный, солнечный, красивый день. Вдруг к нам в блиндаж заходят два генерала. Мы тут в своих солдатских шинелишках, сереньких, замусоленных, грязных, – окопные все. А генералы в роскошных, богатых, красивых шинелях. Жукова я сразу узнал. Второй генерал – Артемьев, командующий Московским военным округом. Ну, я так думаю, видимо, у нас был неплохой блиндаж и неплохой расчет, потому к нам и привели командующего фронтом. Побыли у нас они пару минут, может, три. Поинтересовались службой, как кормят. Жуков спросил: «Ну как, пулеметчики, думаете? Удержим Москву?» Ну, мы там пропищали: «Удержим, товарищ командующий». Он сказал, что тоже так думает, и они пошли. Вот такой памятный день!

В декабре кадровые войска пошли в контрнаступление, а мы так и стояли. Я не знаю, как там другие полки, а наш 436-й полк, как помню, не участвовал в боях. Когда немцев уже

отогнали километров на 150–200, тогда нашу дивизию сняли с обороны, погрузили в эшелоны и по железной дороге эшелонами отправили под Ржев, на Калининский фронт. Когда во время движения эшелона по железной дороге были налеты, то объявляли тревогу. Мы из вагонов выскакивали с пулеметом, потом обратно возвращались. И так несколько раз. Ну, во время движения в наш эшелон ни одна бомба не попала. Приехали мы, выгрузились и оттуда уже ночными маршами пошли. Надо было осуществить марш на 120 км к линии фронта. Мороз! Шли только по ночам. Холодина! У тебя тут и гранаты, и вещмешок. Мы в валенках и в телогрейке были. Все обвешано. И плюс еще на лыжах, по два человека тащим пулемет, поставленный на лыжи. Очень тяжело было. Шли, ну просто на ходу спали. Как только привал – все сразу спят. Как мертвые все равно что. Очень тяжелый марш был, страшно тяжелый. И когда после войны, лет, наверное, через 15–20, я встретил одного однополчанина, первый вопрос был: «А ты помнишь, Володя, тот марш?» Страшно это! Как бой непрерывный. Ну, пришли, конечно. Расположились в лесу. Кухня кашу сварила, хлеб достали. Буханки замерзшие, их никак нож не берет. Топорами рубили хлеб. Ну, короче говоря, вывели нас на опушку. Морозная ночь, луна светит красивая. Исходное положение для атаки заняли, и все, ждали. И вот на рассвете красные ракеты, и наш московский ополченческий батальон, человек 500–600, хорошие ребята, пошли в атаку по снежному полю. Ни одного артиллерийского выстрела, ни одного танка, ни одного самолета. Ничего. Просто бросили батальон на расстрел. До восхода солнца мы пошли. Как только от леса отошли, с высоты немцы открыли по нам огонь. Батальон продвинулся на каких-то метров 150–200 и залег. Солнце взошло. Немцы, когда батальон залег, открыли минометный огонь. Минометным огнем начали давить наши пулеметы. В том числе и наш пулемет. Одна из мин очень близко разорвалась. Пулемет опрокинуло. Меня контузило. Я, наверное, полдня не мог говорить. Ну, сменили позицию, стреляли. Батальон лежит. Появились раненые. Стоны в этом морозном воздухе. Крики: «Помогите!» Солнечные тени. Снег чистый, белый. Раненый ползет, а за ним кровавый след. Кровавый снег... Стемнело немножко. Мы уже выносили с поля боя раненых. Я уже во весь рост ходил. Сначала на палатках вытаскивали, потом во весь рост. Немцы стреляют, пули свистят. А мы молодые!.. Короче говоря, вынесли всех своих раненых с поля боя, оставили на опушке поля охранение и пошли в лес. Там полк в окружении оказался. И кушать нечего было. В общем, тяжелая обстановка. Я обморозился. Тут вот пальцы были почерневшие, ногти сошли. Один палец с этого времени до сих пор кривой. Все опухшее. И потом голодание. И вот такого ослабленного меня отправили в медицинский пункт полка, потом – дивизии. И тогда уже в госпиталь.

Я пешком пришел в санитарный батальон дивизии. Там были натянутые двойные палатки, печки – тепло. Дали гречневой каши с мясом. Я наелся там, отоспался. А потом на машине нас отвезли на станцию Оленино. Уже с машины я не мог вылезти. Меня на носилки – и на носилках в санитарный поезд. А вагоны «телятнички» – нары в два этажа, печушки. Меня на 1-й этаж. Ну, тут белый хлеб с маслом, чай. Тут уже рай! Привезли в Москву в госпиталь. В Марьину Рошу. Больше двух месяцев я там лечился. Вылечился.

– Как Вы восприняли начало войны?

– Как горе, конечно. Это было большое, всенародное горе. Отступление воспринималось очень трагически. Все люди понимали, что войска отступают, большие потери несут. Конечно, это большая трагедия! Убитые, раненые, покалеченные, горят деревни, горят города! В сорок четвертом году и мою родную деревню сожгли. Уже и нужды-то не было! Там деревушка 15 домов, крыши соломенные. Команда на мотоциклах, с факелами, «пум, пум, пум»... Лето, июль, и все русские деревни они выжгли. А рядом латвийская граница, – и в Латвии, Эстонии, Литве этого уже не было. Конечно, да, это великое горе, великая трагедия для народа, для страны.

– А как изменилась жизнь в Москве с началом войны? Что произошло? Как изменилось настроение людей?

– Конечно, люди ходили мрачные, без всяких улыбок, придавленные великим горем. В магазинах сначала продавали все. А потом, я уж не помню какого числа, ввели карточки. Тут уже по карточкам, норма ограничена.

– А когда Вы были еще в ополчении, в истребительном батальоне в Москве, довольствие нормальное было?

– Нормальное. Нас хорошо кормили.

– И я так понимаю, что вот когда Вы уже попали на фронт, одежда была у вас соответствующая?

– Да. Вот я ж и говорю: нательное белье, кальсоны с завязками, теплое белье, рубашка теплая. Брюки ватные, телогрейки, шапки-ушанки, рукавицы. Все очень тепло были одеты. И кормежка была очень хорошая. Даже во время наступления. На передовую в термосах по ночам доставляли еду. Ну, были там перерывы иногда, когда еда была не вовремя. А так очень строго все.

– В сорок первом году вши были?

– О, еще как! Что вы! Ой, грызли солдат, в том числе и бойца Евдокимова. Иногда нас меняли и в баню водили. Помню, шли через вырубку. Весь лес спилен, торчат только метровые пни против танков, а деревья навалены в сторону запада. В бане все белье, начиная с нательного и до шинели, прожаривалось. Пока мы моемся там, все уже чисто. Все они погибли. Неприятный вопрос, и неприятно было с ними.

– А каким был первый Ваш расчет, вы помните?

– Были в основном молодые, но были и постарше меня. Помню, что расчетом нашим командовал лейтенант невысокого роста, в эшелоне, когда ехали, песни пел. Почему он командовал расчетом?! Вот это я не знаю. Или он чем-то провинился? Раз лейтенант, уже взвод надо было давать.

– Когда Вы попали в госпиталь, какое было отношение к раненым? Раненые стремились на фронт или уже нет?

– Ну, если говорить о желаниях раненых, то всякие были – и так, и так. Человек, когда уже побывал в бою, если он искалечен, сильно ранен, – конечно, у него особого стремления снова идти в атаку не было. Ну а так, если у него небольшое ранение какое-то было, его вылечивали и, не спрашивая, снова отправляли на фронт. А я так был обморожен, так истощен в окружении, что медицинская комиссия меня, солдата, пацана, приняла решение демобилизовать. Война в разгаре, а этого солдатика уволить. А куда? Я перепугался! Ой, я помню, что начал тогда прямо просить комиссию оставить меня в армии. Я им не сказал, что я в Москве живу, а сказал, что мне негде жить: «Там карточки, голод, кому я нужен? Умру на гражданке!» Упросил. И меня оставили при госпитале, в Марьиной Роще, где были команды выздоравливающих. И вот мы ходили там, какие-то подсобные работы выполняли, что-то подносили. Когда поступает раненый, дают большой мешок, и туда все его обмундирование. И оттуда, если кого выписывают, обмундирование доставали. У меня обмундирование было все хорошее, фронтное. И пока меня лечили, все это украли. Мне там старое наскребли, в том числе и английскую шинель. Она тонкая, холодная...

Я понимал, что раз попросился, чтобы меня оставили, то, значит, снова на фронт. Вскоре объявили набор в пехотное училище. И меня, имевшего за плечами три курса техникума,

отправили в Пуховичское пехотное училище, в город Великий Устюг Вологодской области. Туда было эвакуировано училище из Белоруссии. Вот там я полгода и учился. Тяжело. Казарма огромная, нары в два этажа. Человек 100 или 150 в казарме. Дров нет. По утрам в 5 часов подъем, идем на реку Сухона. Там обледеневшие бревна носим, пилим... А занятия – тактика в поле, стрельба. Мороз! Ужас! Очень тяжело. И кормежка слабоватая была. Перерыв, где-нибудь у печки греемся, – все про еду рассказываем. Как было хорошо! К осени в лес уйдешь, а там полно шиповника: красный, вкусный. Вот по выходным я им наедался.

– Учили тому, что пригодилось на фронте? Или было много того, что на фронте не нужно?

– Учили, конечно, тому, что надо на фронте, но на фронте по-другому все бывает... Нам говорили: «Артиллерия проведет артподготовку, авиация отбомбится, и вы за танками в атаку пойдете». Мы без танков и без авиации ходили в атаку. Только два раза в операции «Багратион» мою роту авиация поддерживала. Один раз помню, наступали опушкой леса, вышли на поле, тут команда: «Подождите, не наступайте». Наши штурмовички, две пары, по два захода сделали по немцам. В другой раз высоту надо было брать. Тоже говорят: «Подожди». Я еще засомневался: «Быть может, провокация? Не выполню боевую задачу!» Но нет, вскоре тоже две пары штурмовичков по высоте прошли, и мы без потерь захватили ее. Атак плохо было.

Окончил училище в январе 43-го. Присвоили нам звания лейтенантов. От Великого Устюга до железнодорожной станции в Котласе идти пешком около ста километров. Шли только днем. Никто не бомбил. Пришли, там уже готовый эшелон. Сели в общие вагоны. Нам там печенье дали, папиросы, и мы приехали в Москву. Меня из Москвы определили опять на Западный фронт, в район Вязьмы. Я попал в отдельную 36-ю стрелковую бригаду, где мне дали взвод автоматчиков. На фронте нам выдали какие-то защитные жилеты. «Штурмовые», как их называли. И мы ходили в бой с этими жилетами. Они неудобные, и их быстро отменили. Летом 1943 года мой взвод охранял мост на реке Угре. Вскоре бригаду включили в состав 33-й армии Западного фронта. В бою за населенный пункт за рекой Проня я был ранен осколком в лицо. Мне несколько зубов выбило. Подлечился, не покидая бригады, и дальше воевал. Под Витебском очень тяжелые бои были. Бригада почти вся погибла. Командовал 33-й армией генерал Гордов, который был потом расстрелян. Гордов был жестокий человек. Я его не видел, но те, кто видел, говорили, что он страшно жестокий человек был. Там, зимой 1943 года, он нашу бригаду и погубил... В бригаде было четыре стрелковых батальона и еще минометный и пулеметный батальоны. Гордов дал бригаде полосу шириной метров 800 и боевой порядок приказал построить в три эшелона: батальон, батальон, батальон. Ну, артиллерийскую подготовку провели мощнейшую. Артиллерии очень много было. Но оказалось, что это огромное количество снарядов было выложено по ложному переднему краю. Истинный передний край немцы оттянули вглубь на 2–3 км, а разведку не провели, отстрелялись по пустому месту. Бригадой командовал полковник, он был высокого роста, и его Гордов прогнал на передний край. Зима, красивый день. Он пошел и меня взял в сопровождающие. Ну, я вышел на передний край, а он до переднего края не дошел, где-то на КП батальона остался. Батальоны пихнули вперед на неподдавленные огневые точки. Потери были большие. Приезжала комиссия Государственного Комитета Обороны, вела расследование.

НАГ РАД Н О Й Л И С Т
=====

Ю

1. фамилия, имя и отчество... Свдодимов Владимир Милодреевич
 2. звание Ст. лейт. 3. должность, часть офицер связи, 10сб

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ К ордену «Красная Звезда»

4. год рождения 1923 год 5. национальность русский
 6. партийность канд. ВКП(б). Участие в гражданской войне последующих
 боевых действиях по защите СССР и отечественной войне
Отечественная война с июля 1941 года
 8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне одна г.р. 30.9.43г.
 9. С какого года в Красной Армии с 1941 года
 10. Каким РК призыван Киевским РК 1. Москва
 11. Чем ранее награжден не награждался
 12. домашний адрес: [REDACTED]

КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ВАСЛУГ

В сентябрьских боях 1943 г. командует взводом. Несмотря на упорное
 насильственное сопротивление противника ст. лейт. Свдодимов мужественно
 в своих взводах ворвался в деревню Малое Данилово. И в результа-
 тате успешного упорного боя противник был выбит из деревни,
 в боях за эту деревню ст. лейтенант Свдодимов был ранен.

30 сентября назначен офицером связи ст. 10сб со штаба
 бригады. Все отдаваемые распоряжения командованию бри-
 гады доводились в срок, проявлял при этом самостоятельную
 инициативу. Несмотря на угрожающий огонь противника в декабре
 1943 года в боях за Ловани ст. лейтенант Свдодимов доставил
 приказ в роту и батальон своевременно выполнил постав-
 ленную боевую задачу.

С 1.3.44 г. в боях за Бужитин ст. лейтенант Свдо-
 имов назначен через две операции десантником по штабу
 бригады где проявляет исключительную способность в раз-
 порядочнейшей обстановке. В период боев под Бужитином командо-
 вание бригады было на НД, непосредственно руководило бо-
 ей обязанности командиром роты штаба была доверена
 ст. лейт. Свдодимову, он трудом и упорно честно
 справился со всей работой штаба.

Достоин награждения правительственной наградой
 " " апреля 1944 г. орден «Красная Звезда»
 Подполковник Части
 П. капитан Сидоров Степанов

В мае сорок четвертого года бригада уже входила в состав 5-й армии, которой командовал генерал-полковник Крылов, впоследствии Маршал Советского Союза и Главком Ракетных войск стратегического назначения. Бригаду расформировали под Витебском, и меня, старшего лейтенанта, отправили командиром роты в 494-й полк 184-й дивизии 5-й армии 3-го Белорусского фронта, которым командовал прославленный полководец, генерал армии Иван Данилович Черняховский.

Вот с этой ротой, по-моему, 23 июня я начал знаменитую, очень успешную Белорусскую стратегическую наступательную операцию четырех фронтов: трех Белорусских, одного Прибалтийского.

Артиллерийскую подготовку провели. И какую мощную! Все отлично было подготовлено. Подавили точки. Никакого сопротивления немцы не оказывали. Мы поднялись, я и все другие, пошли, а стоит пыль, дым – ничего не видно, трудно ориентироваться. Кое-где там стрекочут немецкие пулеметы. Мы пошли, прошли несколько линий немецких траншей без всяких потерь. Мы дошли до Богушевска. Стоят наши танки 120-й танковой бригады, приданные нам как танки НПП – запыленные, грязные, без горючего. А тут нам повезло, как я потом уже узнал. Танковая армия Ротмистрова по замыслу вводилась там где-то, левее. Но поскольку наша 5-я армия имела большой успех, поэтому уже в ходе операции танковую армию перекачивали в полосу нашей армии и ввели у нас. Горючее у них было, и самолеты их поддерживали. Они далеко вперед ушли, и мы уже в июле шли маршем, километров по 20 в сутки. Никакого сопротивления! Ну, бывает, где-нибудь там группка небольшая в лесах застрянет. День идем, на ночь располагаемся отдыхать. Надо и покушать, и отдохнуть. Блестящая операция, блестящая!

Так мы Белоруссию прошли. А в Литве, тут уже побольше сопротивление нам начали оказывать. Немцев мы хорошо потрепали, но они, мерзавцы, подбросили свою 6-ю танковую дивизию. Вот она нас мучила здорово! Эти бесконечные танковые контратаки. Помню, 14 августа была сильнейшая контратака. Рота впереди по канаве расположена, я от роты, может, метрах в 200 был, в блиндаже у хутора. Бруствер зарос травой, нас не видно. Сажу я и со мной солдат. Танк ползет прямо на наш окоп. Ну, громадина, со свастикой. С пушки стреляет, с пулемета стреляет. Солдат не вытерпел: «Бежим!» А куда? Если выскочишь – он сразу расстреляет. Ну, а если на старый окоп наедет, то, может быть, не задавит. Но слава богу, метров 10–15 не доходя до нашего окопа, он свернул. Там собачья упряжка была для вывоза с поля боя раненых. Он, видимо, заметил ее и пошел давить. Несколько танков нашими «сорокапятками» и 76-миллиметровыми пушками были подбиты на пшеничном поле. Пылают как факелы, а один или два танка прорвались в тыл роты и батальона. Они постояли, по пехоте нашего батальона поерзали и обратно ушли. Страшно все это... Бой... И сколько таких контратак было!

17 августа 1944 года, в три часа ночи, я получил приказ на атаку. До границы с Восточной Пруссией километра 2–3 оставалось. Хорошая уже рота была – пополнили, а то, как правило, комплект, солдат мало, они измученные. В этой операции были моменты, когда человек 30–35 всего в роте оставалось. Тишина, утро, мы до восхода солнца развернулись. Ну как на картинке! Моя рота, как и весь батальон, пошла в атаку. Без артподготовки, тихо пошли. Овсяное поле. Немцы не стреляют, мы тоже. Ну, когда уже метров 100 прошли, немцы видят, что их атакуют, и открыли огонь с пулеметов, с автоматов. Местность у них повыше была. Залегли, отстреливаемся. Взошло солнце. Артиллерии нет, танков нет, авиации нет – ничего нет. Вот тебе и поддержка! Рядом штрафная рота наступала. Они тоже лежат. Я вскочил, подумал: «Быть может, подниму?» Перебежал к штрафникам, по траншее. А надо сказать, штрафники – более здоровые люди, бывалые. Никто на меня внимания не обращает. Я командира роты пытался найти, но не смог. Побегал немножко. Думаю, нет, с ними кашу не сваришь, да еще мало ли, скажут, что я роту на поле боя бросил. Вернулся в свою роту, и так, помаленечку, перебежками, мы медленно продвигались вперед. Помню, заместитель командира полка по политической части майор Плеханов приполз ко мне: «Ну как? Давайте, держитесь». Ну потом, правда, подошел полк самоходной артиллерии. Сзади занял огневые позиции. Самоходчики начали подавлять огневые точки. Тут уже полегче стало. К семи часам утра следующего дня мы достигли границы. Моя рота понесла большие потери. Я уже был опытный, 9 месяцев ротой на фронте командовал, и никогда таких потерь не было. А тут... Мы на высотку вскочили, а внизу шоссе и канава. И мой один взвод рванул в эту канаву. А у немцев там стоял пулемет, и он кинжальным огнем весь взвод скосил.

В роте осталось 19 человек, а было 50 или 55. Ну, я думаю: «Все, Евдокимову трибунала не миновать». Ведь я же понимаю, что это огромные потери. Нашей 184-й дивизией коман-

довал генерал Басан Городовиков – калмык, рослый, красивый, смелый, умный. Потом мы несколько раз с ним в Москве встречались. Поскольку мы первые «достигли логова зверя», несмотря на такие большие потери, двух ротных – меня и капитана Матихина – представили к званию Героя Советского Союза. 24 марта 1945 года был указ!

Под Тильзитом, в Восточной Пруссии, я стал уже командиром батальона, потому что комбат был ранен. На высшие курсы посылали только комбатов, а ротных не посылали. Так Городовиков быстро оформил приказ и меня туда отправил. Он хорошо, по-отечески ко мне относился. Пока решение принималось, я опять стал командиром роты. Мы на фланге были. Фронт роты большой, расстояние между солдатами метров 200–300. Так я уже по два солдата поставил. А сам, когда ходил проверять, в руке «лимонку» держал, чека на пальце. Думаю, если меня в плен потащат внезапно – подорвусь. Однажды утром потянули меня в штаб батальона, полка, потом к комдиву. Я утром пришел в своей грязной шинели, – он-то от передовой в десяти километрах! Роскошный дом, стол, тут все: закуска, бутылка коньяка. Генерал по рюмочке налил, выпили. Потом еще одну налил. А я же голодный, уставший. Больше не надо.

нов показывал свое мастерство и храбрость.

До батальона немецких автоматчиков двинулись во весь рост на наши позиции. Пушка Вильдманаова встретила их градом осколков. В жаркой схватке расчет не заметил, что пять немецких танков зашли ему в тыл. Повернув пушку, командир расчета приказал перенести огонь по танкам, прорвавшимся в тыл. Три гитлеровских машины были уничтожены вблизи огневых позиций расчета. Наша пехота, поддерживаемая огнем артиллеристов, в тот день прорвалась к реке Шешупа и вышла на государственную границу СССР с Восточной Пруссией. Так же отважно и умело продолжал бить гитлеровцев Алексей Вильдманов и на земле врага.

Отважному артиллеристу красноармейцу Алексею Владимировичу Вильдманову Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

БОГАТЫРЬ

На подступах к государственной границе СССР с восточной Пруссией орудие старшего сержанта Ефима Воиншина стояло на прямой наводке. В те дни немцы во что бы то ни стало стремились сбить наших бойцов с занимаемых позиций. Но несколько раз в день бросались они в контратаку. «Тигры» и «фердинанды» поддерживали немецкую пехоту.

Сколько было брошено танков — подсчитывать некогда — их было много. Вот уже запылали две машины врага. Осколком вражеского снаряда разило командира орудия, но Воиншин продолжал руководить стрельбой. Семь вражеских танков пошел в этом бою славный расчет.

Когда героя увозили в медсанбат он сказал товарищам:

— Я скоро вернусь, буду с вами громить врага в немецком логове. — Ефим Воиншин вернулся. Вместе со своим расчетом он прошел Восточную Пруссию.

Старшему сержанту Ефиму Воиншину Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

ЗАНЯВ пограничную деревушку Войтышки, комбат старший лейтенант Григорий Данилович Галутва приказал бойцам окопаться, а сам вышел на рекогносцировку. Ему удалось разведать, что в фольварке и небольшом леску противник сосредоточил около сорока пяти танков и бронетранспортеров.

— Противник замышляет контратаку. Надо встретить его как следует, — сказал Галутва.

На рассвете немцы пошли на батальон. Они были встречены сосредоточенным огнем из всех видов оружия. Тринадцать немецких танков были подбиты. Десант немецкой пехоты был истреблен.

Умело отразив контратаку противника, Григорий Галутва на плечах врага прорвался утром 17 августа к границе СССР с Восточной Пруссией.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Григорию Даниловичу Галутва присвоено звание Героя Советского Союза.

В ЖЕСТОКИХ БОЯХ с немецкими захватчиками росло воиновское мастерство Владимира Евдокимова. Он прошел со своими бойцами от Витебска до Балтийского моря. Его рота в памятное утро 17 августа прошлого года вышла на пограничную реку Шешупа, отбросив гитлеровцев за реку. Бой носил ожесточенный характер. Командир батальона капитан Юргин бросил роту старшего лейтенанта Евдокимова на левый фланг вражеских укреплений, где немцы сопротивлялись особенно сильно.

— Возьмешь, — сказал Юргин, — тебе почет и уважение. Вдру Сталин поинтересуется: какая рота первой на границу вышла?

Рота офицера Евдокимова дружным ударом выбила немцев в последней траншеи. Вместе с бойцами, первыми достигшими границы был и прославленный командир роты.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Владимиру Тимофеевичу Евдокимову присвоено звание Героя Советского Союза.

Когда я приехал на курсы «Выстрел», никому не говорил, что на Героя представлен, а сам все так на «Красную Звезду» поглядывал. А махорку солдатам давали пачками. Именно махорку, папирос не было. И бумаги не было, – так бывало, что и газеты мотали, скручивали и курили. Однажды капитан Кудимов подходит и говорит мне: «Володя, смотри: тебе Героя присвоили». А он собирался уже папиросу свернуть, но прочел мою фамилию. Взял этот обрывок, смотрю, есть ли другие знакомые. И точно, офицеры Мозейкин и другие. Все! Есть! Я с этим обрывком газеты к полковнику, начальнику курсов. Говорю: «Вот так. Разрешите в Москву съездить». Приехал в Москву в наградной отдел. Там наградной отдел был где-то в центре, около Кремля. Мне девушка раз-раз, полистала: «Нет вашей фамилии». Я ей опять этот огрызок газеты. Говорю: «Ну, еще посмотрите. Вот же напечатано». Она посмотрела и говорит: «Есть! Какой молодой, и Герой!» А мне 21 год. Ну и все! Время вручения было назначено на 9 мая. И я от 35-го дома, по Арбату, мимо Военторга пошел туда. Там уже пропуска были заказаны: 200 человек награждали, в том числе 12 человек Героев Советского Союза. Калинин болел, и нам другой человек вручал награды. Пришел Красников, поздравил. Быстро так все: за час вручили награды. Никакого шампанского, ничего. Ну, дали вот большую грамоту такую и маленькую книжечку. Звезду прикрутили. Товарищу прикрутили орден Ленина. А Красная площадь вся забита народом. Ночью дождик прошел, солнце, красота. Народ ликует. Все нас начали обнимать, целовать, качать. Я про себя думаю: «Сейчас Звезду «откачают». Держу рукой! Вырвался – и скорей, скорей пешечком пошел на Арбат. И вот у меня был фронтовой друг, Коля Горбунов. Он воевал под Тильзитом, сам ленинградец. Тут соседи, все. За праздничным столом отмечали День Победы.

– Дубликаты Звезд когда стали делать?

– Начали сразу. Сначала неофициально. После войны, может, лет 30 или 40 прошло, когда начали официально дубликаты делать.

– Личное оружие какое использовали?

– Сначала «наган». Очень плохое оружие, конечно. В нем барабан на семь патронов. На морозе смазка застывает и барабан не вертится. При возможности все мы немецкими «парабеллумами» старались запастись. Он в руке лежит устойчиво. Я из него в лесу один раз белочку подстрелил. С «наганом» такая история связана. Когда мы стояли в обороне под Москвой, в дивизии один казах обрубил себе пальцы на правой руке. Ну, там же быстро – утром арестовали, а к вечеру расстреляли. Решили сделать показательный расстрел. И с каждого стрелкового отделения послали туда солдат. С нашего пулеметного расчета я был выделен. Много нас было! Где-то недалеко от Троице-Лыково было большое поле, и нас там много собралось – быть может, 700 или 800 человек. Построили нас буквой «П». Пришли в черных полушубках офицеры СМЕРШа, привели этого мужика лет тридцати. Зачитали приговор: «...к расстрелу за умышленное членовредительство». Ему конвой скомандовал: «Шагом марш». И он пошел. Снег глубокий. Он идет на край оврага. А там уже заранее или ров, или могила была вырыта. И сзади за ним идет в полушубке вот этот офицер СМЕРШа, который должен его расстрелять. Ну, тот немножко прошел, может, метров 30–40 по снегу. Офицер достает из кармана «наган» и сзади ему в упор, буквально в метре-двух от него. Щелчок! Осечка! Все слышно. Тишина жуткая! Человека убивают! Он еще раз! Осечка! Только на третий раз раздался выстрел. Он, конечно, упал. Офицер потом подошел и в голову еще выстрелил. И тут уже солдаты другие подошли: прикладами его небрежно в овраг скинули. Все. Никаких речей, ничего. Развели по частям.

7 . 134.031282.
6.11.44.
Все графы заполнить полностью.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество *Евдокимов Владимир Владимирович*

2. Звание *старший лейтенант* 3. Должность, часть *командир 2 стрелковой роты 294 стрелкового полка 184 стрелковой дивизии Красной Армии*

Представляется к высшей правительственной награде присвоению звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»

4. Год рождения *1923.* 5. Национальность *русский* 6. Партийность *ком. ВКП(б) с 1944.*

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) *с 17.10.41 по 3.42 Зап. фр.; с 1.43 по 3.05.44 Зап. фронт с 3.05.44 по настоящее время в 2-х Белорусский фронт*

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне *ранен 30.09.1943 100% Зап. фронт*

9. С какого времени в Красной Армии *17.10.1941.* 10. Каким РВК призван *№ 56051 РВК г. Москва.*

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) орденом *«Красная Звезда»* приказом 3601 стр. № 014/И от 20.08.44 с. орденом *№ 524613, 3-го ст. № 286058.*

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

[REDACTED]

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Пос. Евдокимов в батальон прибыл во второй половине июля месяца 1944 года. Боевой путь в батальоне его начался с форсирования реки Неман и захвата плацдарма на ее левом берегу. Весь период боев от Немана до Государственной границы боец героически подвигами и делами рота, которой он командовал, и боец. советскими. Захватил плацдарм на левом берегу, рота перешла к обороне, готовясь к наступлению с целью на расширение плацдарма. Через три дня был получен приказ перейти к наступлению. Рота тов. Евдокимова находилась на участке главного удара. Вера бой рота неизменно знала и шла на запад старший лейтенант Евдокимов в период боев воспитывал роту на боевых трудах батальона, полка, дивизии, на подвигах лучших бойцов своей роты. В результате из полусгнившего пологого был сколотен твердый боевой коллектив чуждый в боях дерзкий в наступлении.

16. Вечером немцы бросили в контратаку 35 танков. На роту Евдокимовши 4 танка. Он бегал со всех сторон и не сдвигаясь, это танк шел прямо на него крикнул: - ни шагу назад, смерть немцушки заградить и дал очередь из авиационной пулеметной пушки танка, танк прошел от него в пяти метрах. Водитель немца примером своего командира ни один боец не тронулся своего боевого места.

17. Вечером батальон был жестокий бой за обрешетку на границе. Немцы упорно защищали один стратегический рубеж, с которого хорошо просматривались подходы и бойцы платный огонь из всех видов оружия. Стар. л. т. Евдокимов руководил роту на левою самостоятельную группу и чинил маневром с выжиданием с дерзостью, сдержанностью и боевые подвиги, сбил немца с боевого рубежа и заставил их откатиться за реку на территорию Гроднен, при этом сосредоточив огонь бойцов роты с разных направлений пришил гитлеровцам большой урон. И сейчас бойца роты старшего лейтенанта Евдокимова, воспитанника своего командира, вера с него, готов к вторгнуться в верховья немецкого зверя.

Пос. Евдокимов достоин высшей правительственной награды присвоения звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Командир 294 стр. полка
Толковичев

1 Юльск

Надо сказать, в моем подразделении случаев умышленного членовредительства не было. Один раз солдат прострелил себе мягкие ткани под мышкой. И то, я думаю, неумышленно. У ППШ был несовершенный предохранитель. Если по нему сильно ударить, он отскочит и

догоняет патрон в патронник, и на очереди стоит. Но его в СМЕРШ забрали, и больше я его не видел.

– А так, чтобы «голосовали»? Скажем, руку над окопом поднимали, чтобы прострелили?

– Не знаю. Я в обороне в Белоруссии и на реке Шешупе долго в обороне сидел. Ничего такого не было.

– Каким еще оружием пользовались?

– ППШ. Несколько недель носил снайперскую винтовку. Потом появилась симоновская винтовка. Она получше «мосинки». С ней-то я и обморозился под Ржевом. Что касается ППШ, то большим недостатком было то, что затвор легко соскакивал с предохранителя.

– Вот один из командиров взводов говорил, что у него в основном пистолет был, потому что задача командира роты или командира взвода – это не стрелять, а именно организовывать бой?

– Ну конечно, основная задача – управлять людьми. Очень непросто, когда люди очень долго в обороне сидят, потом их поднять в атаку. Привыкает человек к своему окопу, а тут надо вылезать и во весь рост идти в атаку. А тебя же враг расстреливает в упор из всех видов оружия: из автоматов, из пулеметов, бьют минометы, артиллерия, танки. Это ад кромешный! А задача врага в данном случае – положить атакующую цепь: нанести максимальные потери и положить. Цепь легла – и все. Атака захлебнулась. Никто вперед не пойдет – ни танки, ни артиллерия.

Случаев уклонения от выполнения приказа, отказа идти в атаку я не знаю. На поле боя командир в случае неподчинения приказу имел право расстрелять бойца. Бойцы это знали. К счастью, мне не приходилось расстреливать. Ни одного. А на особо опасных направлениях были заградительные отряды. Что это такое? Это тоже лучшие наши солдаты, лучшие наши офицеры, хорошо обученные. Они входили в состав НКВД, носили синие погоны. У меня был один случай под Витебском, когда за моей спиной оказался заградительный отряд. Ведем тяжелый бой. Сопки сплошные. Я лейтенант, командир взвода. Вперед продвинулись, захватили немецкие траншеи. Сидим в траншеях. А справа – другой полк или другая дивизия, сплошные узбеки. Они текут с поля боя. Одного ранило, а шесть человек его тащат: два под руки, два за ноги, пятый винтовку несет, шестой рюкзак. Выставили заградотряд. И сзади меня слышу, кто-то кричит: «Вперед!», и матом. Я оглянулся. Лейтенант с этими, с синими, погонами. Он буквально в 3–5 метрах от меня, и автомат на меня направлен. Я ему говорю: «Ну что ты? Подожди. Сейчас бежать будем». Я в пылу, видать, его на «ты» назвал. Он в меня стрелять не стал и вмиг исчез...

– А национальный состав Вашей роты какой был?

– Интернациональный. Много русских. Когда освободили западные области Белоруссии и Украины, тут уже большая часть была с этих областей белорусов и украинцев. Помню, грузин был – сержант, высокого роста, боевой. Связным у меня был Голиков. Здоровый мужик! Рост у меня и у самого приличный, – если ранят, то маленький меня и не вытащит. Потом был Петровский – уже пожилой, за 40 лет. У него жена, дети – он всегда осторожненько себя вел. Стараются иногда в какое укрытие, в канавку залечь, не торопиться.

– Среднеазиатское пополнение у Вас было?

– Было...

– **Много?**

– К сожалению... Воевали мы, наверное, уже в Литве. Рота понесла потери. Несколько раз маршевые пополнения приходили, но к этому моменту в роте человек 30 осталось. И однажды, перед наступлением, вечером в роту человек 15–17 узбеков прислали. По-русски не говорят, ходят только толпой: по одному боятся. Оружие там знают или не знают? Кто разберет... Вечером прислали, а утром в атаку идти. Вот они толпой в атаку и пошли. Во время боя, смотрю, их в воронку набилось человек семь. Попал снаряд, и всех их там... Очень сырой, неготовый материал. Ведь как получается? Вот маршевая рота приходит на фронт – фронт себе отбирает самых лучших, потом армия, потом корпус, дивизия, полк. А в роту попадают уже самые отбросы человеческие. Самого плохого качества. Вот так было! Вот тебе и пехота, «царица полей».

– **Все, с кем я разговаривал, говорят, что хуже пехоты вообще ничего нет.**

– Это ад. Вообще война – ад. А пехота – из ада в ад. Ну на расстрел же идешь все время! Первый идешь! А я ж вам говорил, как весь огонь, вся масса огня на этих людей!

– **Не было желания перейти в какой-нибудь другой род войск?**

– Нет, не было. Вот, помню, я как-то заглянул в танк. Там снаряжение, теснота, а тут хотя бы на воле! Нет... абсолютно не было.

– **Вот еще мне говорили многие ветераны, что был в роте, во взводе, костяк. Какие бы бои ни были, но вот он держался. Какие-нибудь 5-10 человек. Вот придет маршевая рота. Их повыбьют, а все равно какой-то костяк держался. Вы не замечали такого?**

– Это правильно говорят. Конечно, есть и был и в роте, и во взводах. Во-первых, это сержантский состав, обученный, подготовленный. И были умелые опытные бойцы. Вот таких очень часто забирали, чтобы перемешать с маршевым пополнением, чтобы усилить их боевые качества. И мне приходилось раза два из своей роты хороших бойцов отправлять в другие роты. Не хотели уходить! Помню, один боец был, пожилой уже, он плакал. В бою же они никого, кроме ротного, не знают. Они только тебя, командира роты, знают. Идешь в бой. Раненые стонут, кровь течет на поле боя. Он видит и просит командира роты о помощи. А тут бой кипит, надо управлять. А санитар, когда он там подойдет с сумкой? Ко всем сразу не подойдешь...

Опорой командира роты были комсомольцы. Я в партию вступил в сорок четвертом году, и молодежь, комсомольцы – моя опора. Очень хорошо партийная, политическая работа проводилась среди личного состава.

– **Возрастной состав роты какой был?**

– Молодежь в основном. Но с Украины и Белоруссии уже и пожилые были, а так в основном молодежь.

– **Были такие, из окружений сорок первого года?**

– Нет, таких не было. Не было у меня в роте людей из окружений.

– **Чего больше боялись? Плена, смерти или быть покалеченным?**

– Плена, само собой, разумеется... Я говорил, что ходил по ночам с «лимонкой» в руках. А смерти... Молодой еще! Как-то не очень думал об этом. Пожалуй, больше всего – быть покалеченным. Беспомощным оказаться на поле боя. Помощи нет, искалеченный, не дай бог в плен попадешь! Больше всего этого боялся.

– Вы были морально готовы к тому, чтобы использовать последний патрон на себя?

– Я же с «лимонкой» и ходил. Абсолютно не вопрос. Я и ходил по ночам, готовый к смерти в любой момент.

– Скажите, вот мне еще один из командиров говорил, что для солдата самое главное было, чтобы был накормлен, чтобы знал, за что воюет, чтобы верил своему командиру. Вы считаете, что это действительно так? Или что-то еще можете добавить?

– Это правильно. Накормлен, вооружен хорошим оружием. Ну, за что воюет... Солдату в таком большом масштабе, там «за Родину», «за Сталина» – не важно. Ему надо разъяснить, что он за своих близких воюет. Вот это, пожалуй, для него главнее, чем что-то глобальное. Вот сказал, что ты воюешь за мать, сестру, девушку знакомую. Это важно! Близкие в сердце доходят. А так это все правильно.

– Что ближе все-таки, родственники или фронтовое братство? Мне один из солдат уже говорил, что очень много значат конкретно 2–3 человека, группа. Один за другого.

– Конечно. Тут я не делил бы. Я бы параллельно два этих условия поставил. Оба они значимы для человека, для бойца, для солдата. Родственники и эта группка, на которую он надеется в бою. В случае чего они его вытащат в укрытие. Я бы не давал преимущества одному условию, – они параллельны и очень важны.

– Вот Вы были на передовой. Как Вы относились к тем, кто был в тылу? Такая «фронтовая братва» и «тыловые крысы».

– Нет, вы знаете, не было такого отношения. Иногда, знаете, потери в ротах были огромные, приводят мобилизацию тылов. «На котле» стоит 3–4 тысячи человек, а в атаку идти некому. Все правдами и неправдами стараются подальше от передовой пристроиться, примазаться. Чувство самосохранения – это от природы. Никуда не денешься. Страшно в атаку идти. Очень страшно. Тем более быть уверенным, что все пойдут, что рота пойдет. Особенно когда долго в обороне сидела. Но у меня не было случаев, что не пошли. Знаете, если боец не поднимется, его тут же расстреляют. В этом же окопе. Поэтому, конечно, чувство самосохранения – его никуда не денешь, – но тут же рядом чувство выполнения долга. И перед своими родными, и перед страной.

Да, чувство самосохранения человеку от природы дано. А чувство долга надо воспитывать. Длительно, годами, непрерывно, постоянно. Даже в человеке образованном. Это надо воспитывать. Чтобы он на смерть сознательно пошел!

– Рота полного состава 100 человек была? Или только перед началом операции?

– Даже перед началом операции 100, наверное, никогда не было. Самое большое – человек 75–80. А так в Белорусскую операцию шло человек 30–35, может, 40. Остатки. Не было людей. Уже перебили, все раненые, искалеченные. Нет людей. Техники полно, танки, артиллерия, авиация, а пехоты нет. Поэтому когда западные области освободили, Белоруссию и Украину освободили, там все, что можно было, и подскребли.

– А в Белорусской операции на танках приходилось ездить или только пешком?

– Нет, только пешком. Это вы имеете в виду десант? Нет, десант на танках – это только когда все уже успешно развивается, противника рядом нет, сопротивление ослабло и надо быстро куда-то рывок сделать, овладеть каким-то рубежом. Моей роте этого не приходилось

делать. А немцы в бою так поступали. Вот мне один бой в Восточной Пруссии запомнился, когда немцы использовали десант пехоты на танках. Мы там овладели железной дорогой, и немцы контратакуют. Может, танков 15–20, и на них пехота, автоматчики. А мы, не закрепившись, только овладели рубежом. Наше счастье было то, что проходила железная дорога и была огромная насыпь – метров 5–7. И мы тогда укрылись с этой стороны насыпи. Немцы наступают, танки ведут огонь прямой наводкой, а мы с этой стороны насыпи. Чуть повыше – снаряд перелетает метров на сто. Чуть пониже – в насыпь попадает, и она ходуном ходит. Мы, конечно, тут огонь из пулеметов, из автоматов открыли. Танки остановились, пехота спешила – и все. Так они успеха и не имели. Потом подошли наши самоходки. Сзади меня – я и не видел! – самоходка подошла и надо мной встала. Калибр пушки 152 мм – как бахнет! Я думал, что это немецкий снаряд! Как она меня там не придавила?

– Говорят, что устойчивость пехоты еще во многом определяется 45-миллиметровым орудием, «сорокапяткой». Вам они придавались?

– Была в батальоне парочка, на конной тяге. Конечно, помогали. Но редко в батальоне «сорокапяточки» бывали. Что там! Редко их видел в бою, в наступлении. 76-миллиметровые орудия были. Вот они были эффективны. В боевых порядках пехоты редко они бывали. Помню, где-то там в Литве заняли рубеж. И вдруг смотрю, появились 76-миллиметровые орудия. Шесть орудий. На большой скорости, быстро так развернулись, заняли огневые позиции. И никто ничего не говорит. Но мне-то приятно как командиру роты – шесть пушек за мной стали! Это хорошо. Очевидно, у наших в полку, в дивизии были данные, что атака готовится и они противотанковый резерв дивизии двинули сюда.

– Вы видели, чтобы танк был подбит противотанковой гранатой?

– Лично я не видел. Понимаете, танк на 10–15 метров должен подойти. Ну где это видано, чтобы солдат из окопа... Да даже если не из окопа! А из положения лежа далеко ли бросит два килограмма?! А подняться – его тут же расстреляют. Так что это малоэффективное средство.

– А что Вы скажете про ПТР?

– Могу сказать. Лично стрелял по танкам в бою. Тоже от бедности изобрели. Однажды в Литве рота оказалась в окружении, – мы пробивались вперед и как-то днем оторвались от главных сил дивизии. Сплошного фронта у немцев нет. А я и не знал! Там был хутор, мы его заняли. С нами еще два танка Т-34 без снарядов. На хуторе заняли оборону и сидим спокойно, нас тоже никто не атакует. Меня соединили с командиром дивизии. Командир дивизии Городовиков спрашивает: «Ну как там, Евдокимов?» – «Да ничего». – «Ну, я тебе послал роту противотанковых ружей». И так она до сих пор и идет ко мне, никак не придет. Перед нами поле метров 400, а там еще хутор. И немецкий танк оттуда стреляет. В расчете противотанкового ружья солдатик – какой-то узбек. Я его отстранил, откуда танк стрелял, заметил. Спокойно прицелился, выстрелил – и мы с того места убежали. А минуты через 3–4 как танковый снаряд врежет метрах в 5–6 оттого места, где мы были! У негоже оптика, пушка. А ружье – это примитивное оружие. Примитивное, горе-ружье.

Когда Городовикову было 70 лет, он пригласил фронтовиков. Праздник, стол, подвыпили немножко. Я его поздравляю и говорю: «Та рота, которую вы послали, до сих пор идет!»

– А минометы как наши Вам?

– Могу рассказать и о минометах. Начнем с маленьких, 50-миллиметровых, – это ротные. Они были в роте, на переднем крае. Я сам с них много стрелял. Ну что там? Дальность стрельбы небольшая. Я бы сказал, для потехи какой-то. А вот уже батальонные, 82-миллиметровые, они уже на огневых позициях в тылу. От передовой, быть может, 2–3 километра. Дальность

стрельбы – километров пять. Это хорошие минометы. Но тоже труба стоит, плита, на которую она упирается. 120-миллиметровые минометы – тоже оружие хорошее.

– Вы могли вызвать минометный огонь батареи или нет?

– Да, если она мне приданная или поддерживает.

– То есть Вы знаете, что вас поддерживает?

– Конечно, знаю. Знаю, что в таком-то районе огневые позиции. И иногда офицер артиллерийский вот там может находиться. Вот, помню, стояли на границе с Восточной Пруссией, уже окопы вырыли. Однажды утром, уже светло было. С нами майор-артиллерист, его солдаты. Все укрепили на переднем крае, и там они быстренько сделали два выстрела по противнику. Один, другой – и он определяет, как они отреагируют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.